

РА I 1496835

✓р

Г. АСАФОВ

ИЗВАННЯ

Дорогой
Илья Ленизович!
с искренней
и горячей
срается!

Т. Дегаев

30 сент. 2003 г.

Г. АСАФОВ

ИЗЪАНИЯ

ТРИТТИХ

РА 51496835

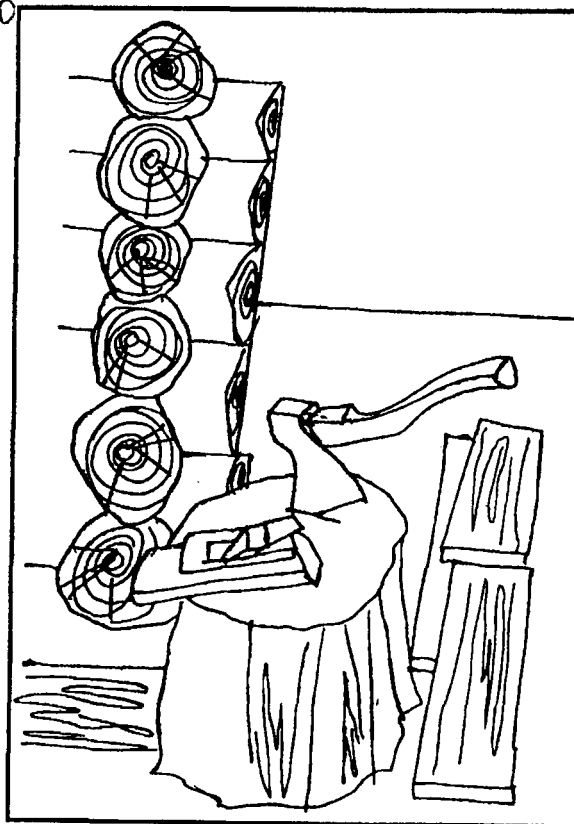
2003

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

PC

+ Kp + KMu

A90

Триптих

Изба осела старушкою, двери подвала, ткнувшись в землю, прислушивались к тайне её раздумий. Когда-то я во весь рост, с мешком картошки на плече, входил в эти ворота, а с охалком дров или сена можно было забежать, не касаясь головой об верхний косяк ворот.

Наклонившись в три погибели, я пролез в подвал родной избы, из которой десять лет бегал в школу. Половицы отсыревшими грудинами зывали о помощи, некоторые, как бы пытаясь спастись, завернули бока. Около остатка серых заплесневелых поленьев стоял коренастый, весь в сучках, отцовский кряж, на котором он выколачивал косы. Стоял крепко, оптимистом, обрубком сучка, словно глазом, рассказывая моему воображению о когда-то лесной жизни.

На кряжу, словно подранок, отрешённо лежал отцовский рубанок. Рукой отполированная часть рубанка мягко бликовала тоской по работе. Я с особым волнением взял рубанок в руки. Тепло дерева никуда не исчезло, все его трудовые сбережения прекрасно передались моей ладони, и я сразу услышал глуховатые отцовские мысли о ремесле столяра, о сути дерева как основе жилья. Отцом же кованное, жало рубанка хитро и грозно поглядывало в свою щель, явно утомившееся в ожидании дела. Я попробовал строгануть ребро

доски, прислонённой к стене и тоже как бы дремавшей от безделья. Тонкая стружка красивой кудряшкой напомнила о прежней жизни.

Мой взгляд по бревенчатым стенам подвала притормозил крепко всажённый в стену отцовский топор. Всажённый, по-видимому, ещё самим отцом, потому как так красиво и надёжно мог сделать именно он. Топор впился в дерево с особой любовью, даже страстью в своём деле, он как бы требовал работы бликом острого угла, не вошедшего в стену, грозно напоминал о своём совершенстве.

*Топор отцовский и рубанок –
Как воля и её подранок...
Но след отцовских крепких рук
Таил традиционный звук,
И память ясно ожила
И птицей синюю взлетела,
И возвратиться мне велела
Моя крестьянская жила.*

*Мне суждено её копать
И находить те корневища,
В которых Божья благодать
И ждёт меня давно, и ищет...*

В один миг я представил мужиков с топорами, рубящих избу или овин. Живая картина сочно заблестала золотистой щепой, птицами отлетающей от угла сруба.

Все мои прошедшие лета вдруг увидел я суетными, а сырой, запущенный, родной подвал виделся мне храмом истины, где сама жизнь была наполнена дыханием естества и мудрости. Двуручная пила серебром зуба, словно улыбкой, подтвердила молнией сверкнувшую мысль о смысле жизни. Я воочию увидел могучий пятистенок с маленькими оконцами второго – жилого – этажа, они хитро подглядывали на тайную красоту далей, в их умилении чувствовалась тихая надёжность. В добротном дворе слышны вздохи сытой бурёнки и всякая возня прочей живности. С раннего утра задымила труба русской печи, в неё после сгорания охапка дров ставились чугушки и горшки с кашей, с картошкой – тушиться с мясом, со щами и молоком, у которого я так любил пенку.

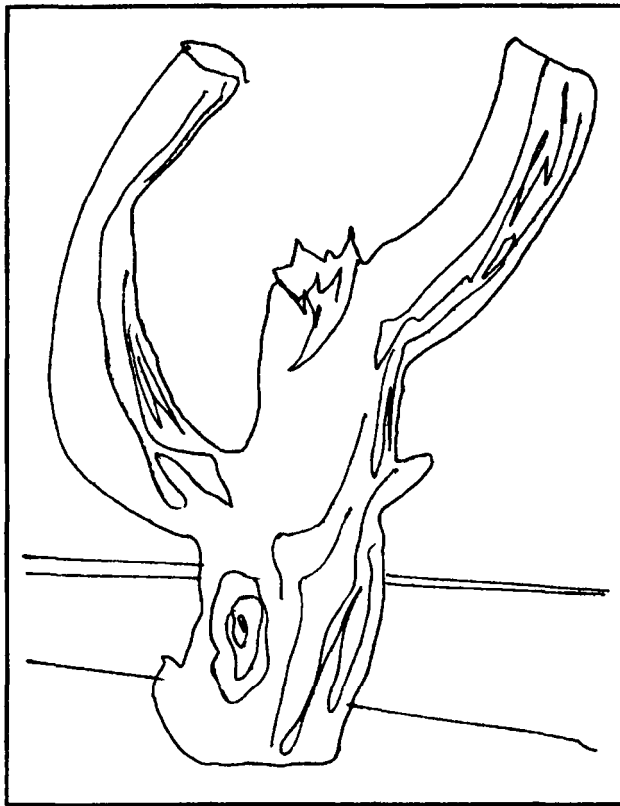
Бойкий петух подымал всё избыное государство, и всё живое начинало свои простые с виду движения в мудрость деревенской жизни. В это житейское утро ни хозяину, ни хозяйке не приходила в головы мысль – оставить всё своё хозяйство и убраться в какую-то первую или вторую цивилизацию, потому как они свои земные заботушки сердцем и умом считали самой высшей цивилизацией, ибо их души и дела были в гармонии с утренней зорькой, с земелюшкой, по которой уже корова шла на выгон, с травкой, где уже куры и гуси соображали насчёт «заморить червячка»...

И всё же нашлись силы и разного рода ухищрения, чтобы оттащить мужика от земли, от природы, в которой высшие творческие проявления и питали труд и мысль крестьян. Покидая собственную избу с её утварью и скарбом, с вековым опытом жизни, мужик как бы уходил от собственного искусства в холодный, чужой мир бетона, тем самым уже заранее лишал себя энергии земли, а с нею и творчества – того самого утилитарного, которое и делало жизнь искусством.

Исполненный размышлением о формуле крестьянской жизни, я пошёл на реку Кубену: когда-то именно на реке я закреплял и умножал свои раздумья. Я быстро прошёл п. Устье, к бору, где часто бродил один и находил в образах могучих сосен самых надёжных друзей. Напротив бора я особенно любил купаться, там шелк Кубены заряжал меня природной силой. Выйдя, а вернее, выбежав уже на самый берег реки, я почувствовал, как блаженная радость встречи с рекой переполняет всю мою грудь и как слёзы глубокого счастья запеленали мой взор. Но чистейшая синь Кубены всё же промыла мои глаза, и я уже всем своим существом мог любоваться моей родиной.

Искупавшись, я пошёл вдоль Кубены в сторону Высоковской Запани. Вдали я вижу человека, странно короткого, руки были вскинуты сильно и призывно. Но он почему-то не двигался. Подойдя ближе, я увидел могучее, высушенное ветрами

дерево, вернее – часть дерева, грудину, выпиленную человеком и брошенную на погибель. Два обрубка основного ствола, словно две руки, взывавшие к вниманию, к чему-то очень серьёзному и важному.

Дерево стояло! На фоне сини реки оно выглядело серебром мощного слитка. Обрубленные сучки на «руках» живыми взорами смотрели прямо в мою душу. Морщины и расщелины рассказывали об огромных мытарствах дерева, которое когда-то росло ради нашего дыхания. Оно стояло, как прекрасный памятник воле, таланту, бесконечности самой природы, а стало быть – самой жизни.

Я тут же увидел свою новую картину, необычную во всей истории искусств.

*Как символ воли и сознания,
Вобрав все признаки тоски,
Стояли образом страданья
Грудина древа у реки.
Но, закалённая ветрами,
Она стояла, будто сталь!
Не преклоняясь перед нами,
Смотрела в собственную даль!..
Меня таланту научили
Морщины мужества её,
И мне судьбу свою вручили,
Как будто славу и жильё!*

Поднял дерево на плечо и, как драгоценность, понёс на проезжую часть дороги на Вологду, в надежде увезти его в мастерскую на попутной машине — тогда с этим делом не было проблем. Спрятал дерево в кустах, радостный и счастливый я пошёл домой. День был потрясающе творческий. В моей голове, словно зарницы, вспыхивали новые строчки, этюды и новые колоритные картины. Пришло на ум детство, юность, когда пасти корову «Марту», потом «Томку», было высшим проявлением творческой свободы. Вспомнил, как мать приходила прямо на выгон доить новотельную корову, как я до отвала напивался парным молоком. Мне стало очень смешно от воспоминания, когда однажды, дожидаясь молока с кружкой и краюхой чёрного хлеба, я уселся рядом к матери, доившей корову, но уселся я точно по радиусу коровьего хвоста, и она, гоня мух и паутов, всей своей прелестью метёлки ударила мне точно по щеке, да так, что я чуть не свалился с чурбака. Мать ласково смеялась, хотя мне в то время было не слишком смешно, зато сейчас я смеялся от всей души. Придя домой, мне, конечно, захотелось взглянуть во двор, где ночевала наша «Томка».

Если сама изба выглядела старушкой, то двор был тоже похож на уставшего, молчаливого деда. Низко наклонясь, я вошёл в тёмное пространство

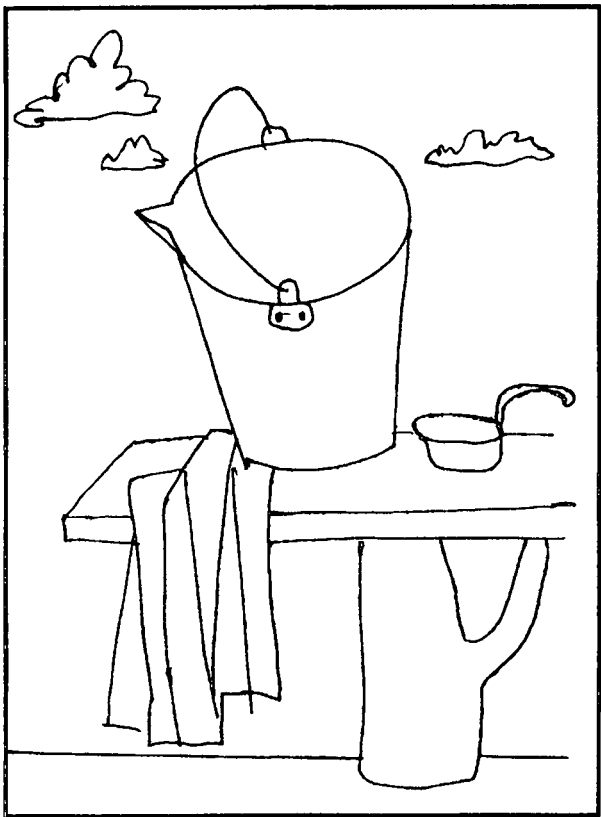
жилья нашей «кормилицы». Пахнуло сыростью, но она запуталась в теплоте и грусти воспоминания об ушедшей поре жизни.

Хоть двор был пуст, но я ясно видел рядом живые и мудрые глаза нашей коровы.

В углу что-то блеснуло. Подошёл ближе и увидел тот самый подойник, из которого мне в кружку наливала мать парного, душистого молока.

Я поднял подойник, как можно поднять ребёнка или картину. Он был смят, местами проржавел, но носик бодро стремился вперёд, готовый к работе. Я вынес подойник на свет, вытер пыль и поставил на скамейку. Сквозь пелену грустных эмоций, словно солнечный луч, сверкнула мысль: «Материнское!»

*Трудяга подойник от мамы
Пошл всю семью молоком.
В пространстве художества рамы
С искусством самим не знаком,
Но помнит и знает значение
Своих многолетних трудов,
Не прячет молочное мнение,
Как золото славных годов.
С ковшом, словно спутником, вместе,
Как знаменьем страдной судьбы,
Вещают крестьянские вести,
Рождённые в недрах Избы!*

* * *

Искусству понял цену,
И, как цены знаток,
Я мыслю перемену
И творчества, и в срок,
Чтоб не стоять на месте,
А время отражать,
Спокойно и без лести
Искусство обнажать.

* * *

Нет и не надо признанья,
Птице в бетоне не жить...
Знаю: моим предсказаниям
Песней пустынною быть.

Но самому хоть не съехать
С горки невежества в хлам,
Где вместо мысли — потеха,
Где вместо совести — хам.

Верю в цветок оптимизма
Только в родимом саду.
Страшен мне век техницизма,
В Избу, к лучине пойду.

* * *

У меня прекрасна цель —
Жить на свете честно!
Если сяду я на мель —
Тоже интересно.

Но в душе моей весло!
Спехиваться с мели.
Скажут люди: «Повезло!» —
Те, в ком нету цели.

* * *

Этюдоз зёрна в Землю брошу,
На грядки ладные мои,
И понесу желанну ношу
В хоромы рублены свои,
Где запах ели бесконечный
Напоминает отзвук вечный,
Когда трудяга мой народ
Копал весною огород.

* * *

В небе странно всё зависло —
Нету капельки дождя,
У людей сознание скисло —
Едут, ходят не любя.

Всё ж в дали-то синь густая,
Есть надежда на грозу,
Ожидание не тает:
Дождь у Бога на возу.

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

* * *

Тепло, конец июля,
С картошки льётся цвет.
А в поле — лишь бабуля,
Народа больше нет.
Жуков она собирает,
Тех, колорадских аж,
А по небу сияет
Приоблачный витраж.
Вся разопрела ива,
Но солнце не шадит,
Чуть ветерком красиво
Бликует и шалит.
Ромашковые гривы,
Как будто свежий снег,
Весёлы и игривы,
Как миллионы нег.
И нету уже мочи
Грустить или тужить,
Когда приятно очень
На белом свете жить.

* * *

Я чую: далеко не всем
И по душе, и по натуре,
Что преданным живу совсем
Земной, возвышенной культуре.

Я знаю: косит правду зло,
Но не колючею косою,
А мне по жизни повезло
Косить в июль совсем иною.

И мой желанный Сенокос
Вновь вдохновил меня во цвете,
Что в мастерскую я принёс
Любовь, купавшуюся в свете.

* * *

Этюдов много подарил,
И мне тепло с подарков этих,
Как будто солнышко пролил
Туда, где редко оно светит.
Теперь уже в прошедшем веке,
Родившись на земле родной,
Живёт в самой библиотеке
Собранием подарок мой.
Родная школа, она рядом,
За всю историю её
Висит классическим парадом,
Добром, призвание моё.
Село подальше «Бережное»,
Там школа и второй этаж —
Висит собрание иное,
Картины набирают стаж.
И в «Богородском», подалече,
Как самый настоящий друг,
Подарок (группы) тоже лечит
У школьников земной недуг.

* * *

Есть в этом мире странные забавы,
В которых вижу явный беспредел.
Букетом он, при ожидании славы,
Но я в том зале всё же не сидел.

Не бегал я за взбалмошной «девчонкой»,
И я цветов впустую не дарил...
И мне милее добрый взгляд Телёнка,
Который больше премий говорил.

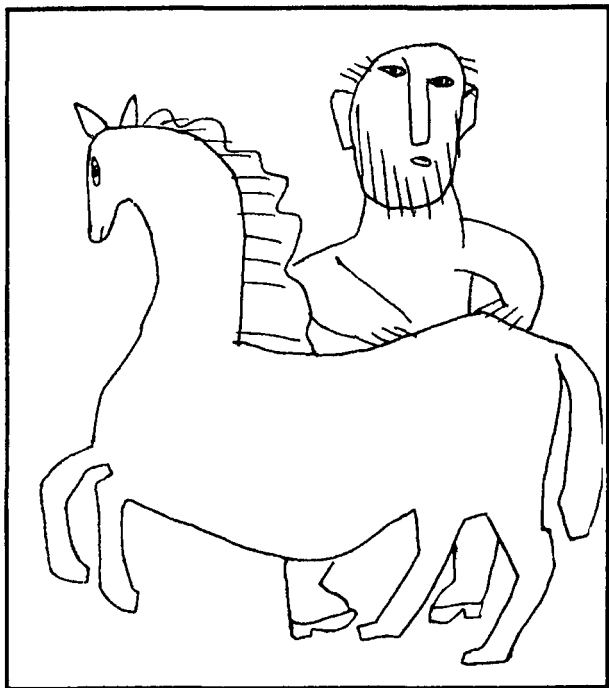
* * *

— «В глазах людей читаю я
Страницы злобы и порока...»
Ну что ж, по правде говоря,
Душа всё так же одинока.

Конечно, можно и сыграть —
У этой жизни всюду сцена —
И бесконечно себе лгать,
И гнуться просто для обмена...

Такой я ноши не смогу
Поднять, насиловать и душу,
Нести искусство помогу
С болота на грибную сушу.

* * *

Искусство миру невдомёк.
Лишь ты, Художник, царь и Бог
В своём возвышенном пути,
И продолжай тропой идти,
Что волей сам и протоптал,
Против невежества восстал!

Конечно, в душу вновь полезут
И будут петь там Марсельезу,
Но ты молчи, пиши холсты —
Вновь на лопатках будешь ты...
Но отдышись и повставай —
Борьбы с толпой не затевай...

* * *

На путь творца иду легко, желанно,
И в мастерской хозяин я судьбе!
Вдруг понял я, что мне дороже ванны
На цепке рукомойничек в Избе.

Подойник Мамы и Отца рубанок
Скрывают сутью жизненный изъян,
Зовут меня трудиться спозаранок
На продолжение утвари крестьян.

* * *

Полюбить картину можно,
Но вот как и чем?..
Если сердцем — это сложно,
А казной — зачем?..

Есть лихие нынче люди,
Вроде «челноков»...
Но и им не просто будет
Роль играть замков...

Я ж советую, конечно,
Полюбить душой,
Лишь она в картине вечной
Ищет Храм Большой...

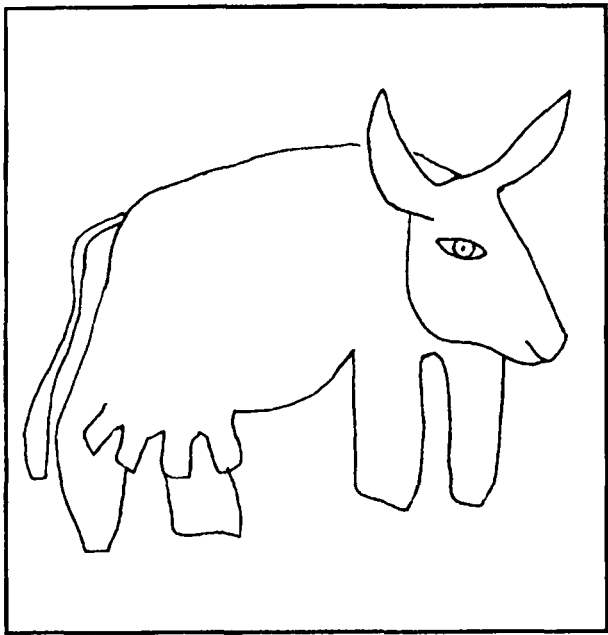
* * *

Толпа не ведает Искусства,
Тоскливо тащит без него
Всю тяжесть века своего,
Не зная ни любви, ни чувства.

Стремится заполнять пустоты,
Подхлопотав смешные льготы,
И тупо смотрит с этажей
На жалкий жребий гаражей.

* * *

Когда душа Дубинушкою ухнет
На всю нелепость зависти и зла,
Я начинаю на родимой кухне
Варить уху — источницу добра.
Она в тарелку радостью прольётся,
В надежду вновь, как в творчество, иду,
И пусть она веревочкою вьётся,
И пусть я кончик завтра же найду.

* * *

Какое славное блаженство
Иметь искусства совершенство!
И не стремиться к разным званиям,
А наслаждаться лишь призванием.
Сидеть на Кубене-реке
Свободно, с кисточкой в руке,
Писать этюд самозабвенно
И мыслить только откровенно
Под нежный шёпот белых волн,
Когда ты счастьем мира полн!

* * *

Самодостаточно и крепко
Жила Крестьянская Изба!
Но вырвала её, как репку,
Самолюбивая борьба.
Она усердно воспитала
Пренебрежение к Труду,
А нынче всю перечитала
Свою настольную «Бурду»...

* * *

Сказать хочу я, люди, прямо,
Что корень зла — в родной семье,
Где наш родитель жмет упрямо
Презренье к Матушке-Земле.
Что глупость так высокомерна,
Слепа, как горный институт,
А для детей она примерна,
Они в «совок» нас и метут...

* * *

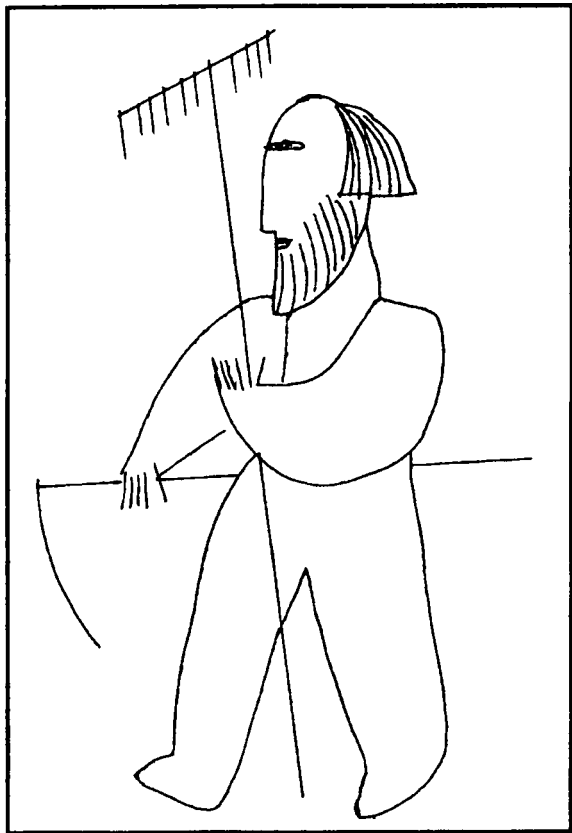
Гроза идёт, люблю в июне грозы!
Уж нынче льёт — всей засухе капут!
Вдруг засмеялись листья у берёзы,
И ветер, будто запоздалый плут.

Вот гром телегой с небесов скатился,
Рябь забежала покупаться в пруд,
Паук с испугу в щель оконца скрылся,
Оставив с миром самый лёгкий труд.

Широким флейцем красит туча небо,
И абрис молнии рисует силуэт,
Какой, конечно, в белом свете не был, —
Но это был Божественный портрет.

* * *

Похоже, после нас потомки
Увидят яркие обломки
Когда-то бережной души.
От речки радостной в тиши
Оставим камень охладелый,
На нём характерок несмелый
Чуть вспомнит наши времена,
Когда страна была умна.

* * *

Ну, как-никак — была идея,
Светила всё-таки звезда.
Сейчас народ, сказать не смея,
Не ведает: идёт — куда?

Нельзя же в жизни без идеи
И в государстве, и в семье!
Да, едоки идею съели
И позабыли о скамье...

Но где-то там, в деревне павшей,
Живёт Идеюшка одна!
Она, как прежде, Землю пашет
И верит, что придёт Страна!..

* * *

Мария в поезде и в Питер,
Проведать, к тетушке своей...
Одел (ей связанный) мой свитер,
И думаю в окне о ней...

Как хорошо, что в этом мире
Её автобус не пришёл...
На остановке, как в квартире,
Её, как ладушку, нашёл.

Дня через три она вернётся,
С устатку ляжет на диван.
В душе улыбкой отзовется,
И Генрих будет, как Иван...

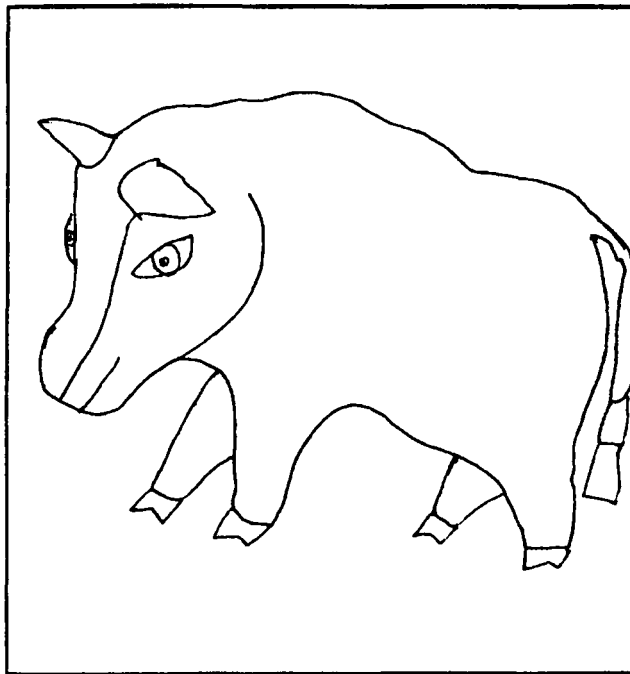
* * *

Народ бесталанный совсем непростой:
Он корчит туза и бубного,
Ему по душе и всемирный застой,
Где может безвкусно, но много.

Его не волнует и завтрашний день —
Он связи с Землёю лишённый,
Им правит великая матушка-лень,
И взгляд у него отрешённый.

Способный и умный — не троньте его,
Пусть он покрывается коркой...
Держитесь спокойно пути своего,
Где просто прикроетесь створкой.

* * *

Мой Крестьянин Землю понимает:
Пашет, сеет, урожай берёт,
Избяные мудрости все знает,
Божеской дорогою идёт.
И за это слава городская
Не даёт Крестьянину почёт.
При удобствах глухота людская
Золотухой мутною течёт.

* * *

25 июня 2003 г.

На московском фестивале
Правда жизни есть едва ли.
Чую — есть один секрет —
Что Крестьянина там нет.

Не поднять разумным тему
Про Крестьянскую систему,
Проще им сыграть таких —
Без закуски на троих.

Видел много там пространства,
И людей кругом полно,
У которых больше чванства.
Им и это всё равно...

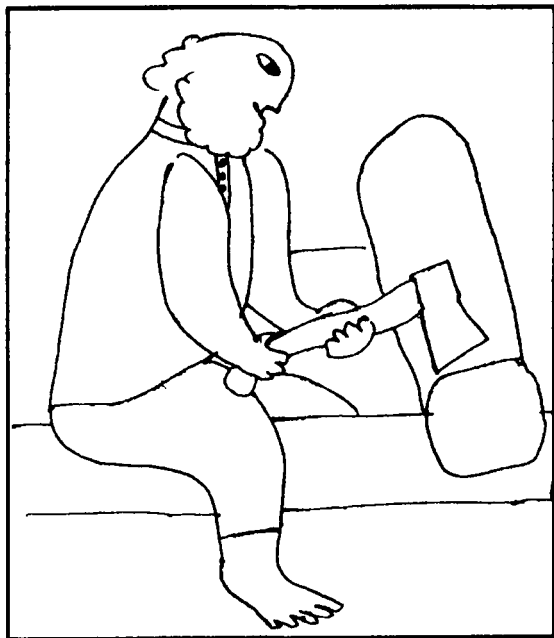
Споров много. Больше мнений.
Только нету звона кос.
Лишь Крестьянин без сомнений
Знает: завтра — Сенокос...

* * *

Воспитали этажи бетонные
Слабость воли, лень и пустоту.
Поисчезли чувства те, бездонные,
Что рождали ум и красоту.

И не к Храму дыбятся дороженьки,
А за лесом, нефтью и углём...
Не пешком шагают уже ноженьки,
А уселись умно за рулём.

От руля-то круглого и множится
То сознание, где всем всё равно...
И Земля родимая корёжится
От сынов и дочерей давно.

* * *

Художник простой непонятен.
Лишь несколько сильных людей
Почувствуют музыку пятен
И тайну глубоких идей.

А все остальные сожмутся,
Не ведая смысл образов,
Потом и совсем разживутся,
Дотянут до формы тазов.

Что видели прежде — забудут,
Искусство начнёт раздражать.
И жить для того они будут,
Чтоб правде моей возражать...

* * *

Лишь Время талантливей всех.
И кто этот образ заметит —
Тому и прикатит успех.
То творчество Солнцем засветит,
Традицией истинно той,
Что Время собою явило...
Искусство рождается мечтой,
И будет похоже и мило.
Но ежели Времени нет
На вашем холсте и этюде,
Тогда не поможет омлет
С каёмочкой синей на блюде...

Содержание:

Триптих.....	3
Искусству понял цену.....	12
Нет и не надо признанья.....	13
У меня прекрасна цель.....	14
Этюдov зёрна в Землю брошу.....	15
В небе странно всё зависло.....	16
Тепло, конец июля.....	18
Я чую: далеко не всем.....	19
Этюдov много подарил.....	20
Есть в этом мире странные забавы... 21	
«В глазах людей читаю я...».....	22
Искусство миру невдомёк.....	24
На путь творца иду легко, желанно.....	25
Поллюбить картину можно.....	26
Толпа не ведаёт Искусства.....	27
Когда душа Дубинушкою ухнет.....	28
Какое славное блаженство.....	30
Самодостаточно и крепко.....	31
Сказать хочу я, люди, прямо.....	32
Гроза идёт, люблю в июне грозы!.....	33
Похоже, после нас потомки.....	34
Ну, как-никак — была идея.....	36
Мария в поезде и в Питер.....	37
Народ бесталанный совсем непростой.....	38
Мой Крестьянин Землю понимает.....	40
На московском фестивале.....	41
Воспитали этажи бетонные.....	42
Художник простой непонятен.....	44
Лишь Время талантливей всех.....	45

Генрих Асафов
Избания

ТРИПТИХ

Компьютерная верстка,
оригинал-макет — Т. Э. Тайганова
Технический редактор — Ю. П. Малозёмов

Рисунки автора

Лицензия ИД № 02513 от 31 июля 2000 г.

Тираж: 100 экз.

Вологда
2003